Человек эпохи возрождение

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Человек эпохи возрождение ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Туркменские дестаны на сценах национальных театров, могучие фигуры героев туркменских эпосов в мемориальных парках и на широких улицах наших городов, имена Зелили, Магрупи, Шабенде, Мятаджи и других поэтов на обложках книг – что объединяет эти яркие приметы современного Туркменистана – свободного и суверенного? Ответ знает каждый, кто знаком с историей отечественного литературоведения: это имя выдающегося ученого, академика Баймухамеда Аталиевича Каррыева. Это он открыл стране и миру великое наследие нашей национальной литературы и фольклора.

Нет пророков в своем Отечестве – как часто история подбрасывает нам примеры, вроде бы подтверждающие верность этого афоризма. Но это лишь на первый взгляд. Приходит время, и имена тех, кто составлял славу национальной науки и культуры, возвращаются к нам, являя пример бескорыстного служения своему народу и своему делу.

Судьба Баймухамеда Каррыева уникальна и типична одновременно, если иметь в виду время, в которое он жил. Времена не выбирают, в них живут и умирают – поэт сказал мудро, но далеко не каждый смиряется с этой предопределенностью судьбы. Каррыев был из той плеяды людей, которые не прогибались под изменчивый мир, а заставляли пространство и время считаться с собой. Это по – настоящему пассионарная личность, из тех, кто и определяет, в конечном счете, лицо нации. Это был человек эпохи Возрождения.

В далеком 1914 году в ауле Геокча у Атали Каррыева и его жены Гурждемал родился мальчик. Можно, конечно, подчеркнуть простое происхождение Баймухамеда – мол, отец его выращивал виноград, тем семья и жила. Так-то оно так, да не совсем. Именно родителям обязаны Баймухамед Каррыев и его братья неординарностью своей судьбы. Атали ага вовсе не был смиренным

крестьянином – он мечтал открыть в родном селе школу. И не побоялся испросить на это разрешения у царского генерала Калмыкова – остались свидетельства их встречи. Но генерал не поддержал Атали ага, который лишь после свержения царизма получил от новой власти мандат, коим предписывалось открыть в Геокча общеобразовательную школу – «во имя торжества революционных идей» – так там было написано.

«В нашей семье эта реликвия до сих пор хранится, – говорит Амангуль Каррыева, дочь Баймухамеда Аталиевича, тоже известный филолог, главный эксперт ВАКа ВСНТ. Она стала новой точкой отсчета жизни семьи моего отца. Дедушка и бабушка без сожаления отдали под школу свой новый дом, а сами с детьми ютились во времянке. Но их это меньше всего волновало – делом жизни стала школа, среди первых учеников которой был их старший сын Баймухамед. И знаете, чем закончился первый учебный день – рас¬сказом бабушки Гурджемал о Героглы, богатыре Востока – так, во всяком случае, гласит семейное предание. Несмотря на то, что дедушку с бабушкой в 30-е годы сослали куда-то в район Сырдарьи, отец уже на моей памяти их оттуда вызволял, никогда в семье не шли разговоры: вот зачем это нужно было. Образование и культура – это была сфера служения для всех в семье».

А еще рассказывают, что однажды Атали ага вместо нехитрой снеди принес с базара несколько пожелтевших листков: «Послушай, Гурджемал, что написано: «Потом родится слово, сперва его творец придет». Это же Махтумкули!» Мудрая Гурджемал для виду пожурила мужа, мол, стихи рубаху не заменят. Но эта женщина, знавшая несколько языков и несметное количество стихов и народных дестанов, прекрасно понимала ценность знаний – и детям своим передала это святое чувство преклонения перед наукой. О каждом из их сыновей можно книгу написать: физик Нури Аталиевич, один из учеников самого академика Иоффе, стал первооткрывателем не только квантовой частицы – экситона, но и целого раздела науки – экситонной физики. Атали Аталиевич, или по-домашнему Аба, прекрасный математик, в равной степени ответственно относился и к школьному образованию: он автор книжек для школьников:

«Математическая шкатулка» и «Буквенный счет», и вузовскому — проректором Ташкентского пединститута прослужил не один год. И, наконец, еще один блестящий филолог — Сеид Аталиевич — профессор, специ-алист по сравнительному литературоведению. Но оставим «на потом» удовольствие рассказать подробней о каждом ученом из плеяды Каррыевых и вернемся к нашему герою.

Итак, Баймухамед окончил родительскую школу, затем — среднюю. Шел 1929 год — юноша стал работать переводчиком (он знал не только тюркские языки, но и фарси, арабский, русский), преподавателем туркменского языка. В 1938 году с отличием оканчивает филологический факультет Ашхабадского пединститута, на следующий год — исторический факультет, а еще через год — и географический. Но и это еще не все: в 1945 году Баймухамед Аталиевич Каррыев, к тому времени защитивший кандидатскую диссертацию и будучи заведующим сектором Института истории, языка и литературы Туркменского филиала Академии наук СССР, получает диплом об окончании Туркменского мединститута. Ему исполняется 30 лет и он становится директором Института истории, языка и литературы. Это пунктирное прочтение того, чем занят был Баймухамед Каррыев, дает абсолютное ощущение одухотворенности и осмысленности его жизни, его неспешной работы во имя чего-то высшего, непроизносимого и невыпячиваемого — того, что называется верой. В данном случае верой в непреложность знаний и пытливости человеческого труда.

Большинство из нас устроены так, что успехи мы воспринимаем как само собой разумеющееся, а неудачи или удары судьбы — как вопиющую несправедливость. Академик Каррыев принимал жизнь с тем высшим смирением, которое выше бунта и подвига и в котором кроется свобода в самом полном ее понимании. Не стоит задаваться вопросом: зачем ему все эти дипломы? Ведь не станете же вы спрашивать птицу, почему она парит в небесах. Страсть к познанию, подвижничество, следование таланту — и все это без лишней риторики, нажима, пафоса, без осознания собственного мессианства — это и было его сутью. Он просто работал и жил по — совести и родительским заветам. Пережив трагедию 48 года, — у Баймухамеда Аталиевича в землетрясение погибла вся семья — жена и пятеро детей, он продолжает

работать. Верно сказано, что если человеку есть «зачем» жить, он может вынести любое «как»: занимаясь такой человекообразующей дисциплиной, как литература, Каррыев понимал, что он должен вернуть своему народу его главное сокровище – классику и фольклор, потому что люди нуждаются в нравственных авторитетах.

Вся национальная классика – Довлетмамед Азади и Сейди, Махтумкули и Зинхари, Зелили и Кятиби, Ашики и Молланепес, Шабенде и Магрупи, а также Талиби, Мятаджи и, разумеется, великий Махтумкули – стала достоянием народа прежде всего благодаря Б.Каррыеву. Именно он подготовил сборники этих поэтов для публикаций, сопроводив каждый серьезнейшим предисловием и научным комментарием. Он же стал основоположником махтумкуливедения – то есть научного исследования творчества нашего национального гения. Сборники произведений Махтумкули, в том числе на разных языках мира, скажем, на французском, изданные ЮНЕСКО, выходили его стараниями и с его комментариями. Его докторская диссертация, которую он защищал в Москве, в Институте востоковедения, называлась «Махтумкули и его художественный язык». Академику Каррыеву мы обязаны и академическими словарями туркменского языка, и систематизацией туркменской литературы и национального фольклора. Что касается последнего, то возвращение дестанов «Асли – Керем», «Хурлукга и Хемра», «Гюль – Бильбиль», «Неджеп – оглан» и многих других – это тоже великий труд Баймухамеда Аталиевича и его научный и человеческий подвиг.

В 1951 году он и его единомышленник и коллега Мяти Косаев опубликовали в журнале «Совет эдебияты» сокращенный вариант гениального эпоса «Горкут Ата». Реакция властей последовала незамедлительно – их обвинили в пантюркизме и буржуазном национализме, как, собственно, и сам эпос, о героях которого сейчас знает любой школьник. Послушаем Амангуль Каррыеву: «За папой пришли вечером, хотя весь день недалеко от дома дежурил человек в штатском, он продолжал работать. Мама, которая ждала ребенка, – меня, между прочим, бежала вслед за машиной, пока та не скрылась в темноте. Скорый суд, сначала первый приговор

— расстрел, затем новый — 25 лет — и Сибирь. Там, кстати, папе пригодился диплом Мединститута — он там был фельдшером. Смерть Сталина спасла его, как и сотни тысяч других заключенных. Но сразу возвращаться домой, в Ашхабад, он не стал. Мои дяди с семьями и мы с мамой ждали его в Москве. Там он много и плодотворно работал: преподавал в Государственном театральном институте, занимался наукой — служил старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. Горького. На нашей дачке всегда находили приют студенты, аспиранты, коллеги. Мама, Джерен Хидировна, верный друг и сподвижник отца, никого не отпускала без тарелки плова. И мы, семеро детей, с детства впитали эти уроки добра и бескорыстного труда — отца я помню только за работой. Его мир вещей совершенно не интересовал, как говорится, весь гардероб умещался на внутренней стороне двери. Он и умер среди бумаг — его привычка писать лежа и мне передалась. Вот его талантом и работоспособностью похвастать не могу. Помню, когда его хоронили, это было 1 апреля 1981 года, пошел снег: огромные такие хлопья. Это весной-то в Ашхабаде! Тогда многие посчитали это особым знаком».

Надо ли сомневаться, что во все времена существуют люди особого свойства, отмеченные особым талантом, особой предначертанностью их судьбы. Им больше дано, но с них больше и спрашивается. Не огромный послужной список академика Баймухамеда Аталиевича Каррыева, не перечень его научных работ- их более 500, не масштаб сделанного, не ученики, которых сотни, до конца не определяют его собственный человеческий подвиг, его подвижничество, значение которого трудно постичь. Но сделать это необходимо, потому что история страны — это не знаменательные даты и «красные листки календаря», а внутренние достижения ее граждан.

Т.ДУРДЫЕВА.

»Нейтральный Туркменистан», 26 сентября 2008 года. Edebi makalalar